

[Polaris]

ПОВЕСТЬ

СЛАВНОГО ГАРГАНТУАСА,

*страшнейшего великана
из всех до ныне находившихся в свете*

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

CCCL

Salamandra P.V.V.

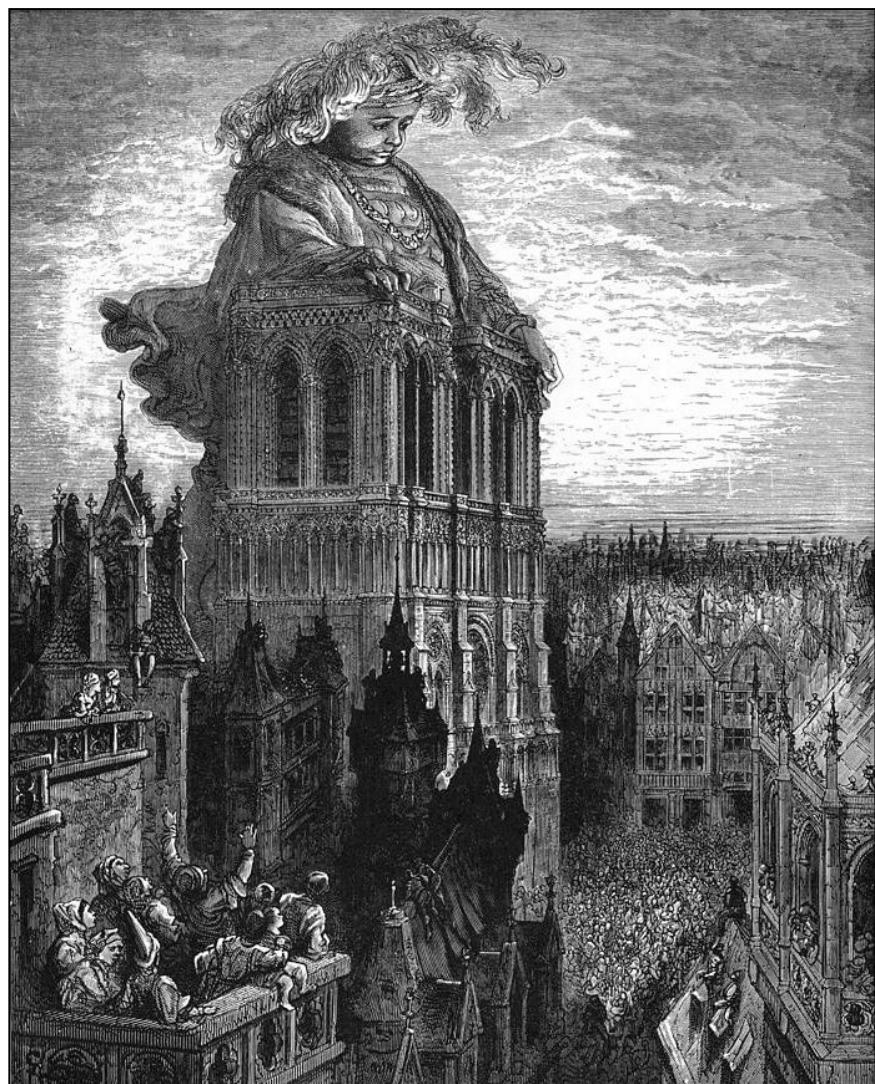
ПОВЕСТЬ СЛАВНОГО ГАРГАНТУАСА,

*страшнейшего великана
из всех до ныне
находившихся в свете*

Salamandra P.V.V.

Повесть славного Гаргантюаса, страшнейшего великана из всех до ныне находившихся в свете. Переведена с могольского. — Б. м.: Salamandra P.V.V., 2019. — 46 с. — (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып. CCCLI).

В очередном выпуске серии «Polaris» представлено первое переиздание курьезной книжицы, впервые увидевшей свет в Петербурге в 1790 г.

**ПОВЕСТЬ
СЛАВНОГО
ГАРГАНТУАСА**

П О В Ъ С Т Ъ
СЛАВНАГО
ГАРГАНТУАСА,
страшнѣйшаго великана

изъ всѣхъ

до нынѣ находившихся въ свѣстѣ.

Переведена съ Могольскаго.

Съ дозволенія Управы Благочинія.

Въ Санктпетербургѣ,
Печашана въ типографіи О. Брейшкюфа,
1790 года.

П О В Ъ С Т Ъ

славнаго Гаргантюаса,

*страшнѣйшаго великана
изъ всѣхъ до нынѣ находившихся въ свѣтѣ.*

Вновь переведено съ древней рукописи,
найденной въ библіотекѣ Могольскаго
Владѣтеля.

Глава первая

Какую имел Гаргантюас родню

Великаны, ежегодно на разных народных сходбищах видимые, должны казаться карлами в сравнении страшилищ, здесь описываемых, от коих прежде трепетала вселенная. Вообрази, читатель любезный! куда они простирали свои мысли: они, собрав несколько гор вместе, вознамерились свергнуть с небес богов, и без сомнения успели бы в своем предприятии, если бы Юпитер, раздраженный таким дерзновением, не поразил их своими перунами, и не погасил бы в сердцах их безумной страсти, простирающейся к совершенному обладанию неба и земли.

Бриарей, славнаго Гаргантюаса отец, которого жизнь в сей повести описывается, был весьма добродетельный Великан. Сей несчастный отец не мог иметь удовольствие видеть любезнаго сына, которого удивительная величина и

великодушные поступки могли бы точно ему от радости смерть причинить. Жена же его, Гаргантина, в то время, как чинил он против богов заговор, той же любовною страстью к сыну своему воспламенилась, и Гаргантуас увидел свет спустя три месяца после того, как отец его одного лишился.

За час до рождения непобедимого Гаргантуаса, матери его великанке Гаргантине привиделось во сне нечто, предвозвещающее рождение чрезвычайной величины сына, во чреве ее уже находящегося; воображение ее столь было поражено страшным ударом, что полагала сей ужасный случай, происшедший от разрушения всего света. «Сие подлинно предъявляет мне, — сказала она, — что сын мой, будучи во гневе, станет испускать из уст своих громовые удары». Голос новорожденного младенца был столько поразителен, что его можно было слышать за пятьдесят верст; а чтоб более в том уверить, то надобно сказать, что он оглушал большую часть из тех, с которыми вспльчиво говаривал. За таким же сновидением последовало другое, и которое не менее прежнего ее удивляло; в таковом же положении примечталось ей разного рода великое множество диких зверей, соединенных вместе для разорвания великого льва: оное мечтание изображало победу, в дремучем лесу сыном ее одержанную над множеством диких зверей, для пожранья его вместе соединенных, кои все, как можно видеть в продолжении сей повести, были на мелкие части им растерзаны.

Глава вторая

О Гаргантюасовом рождении

Гаргантюас все материны мечтания прекратил, ударивши ее ногою в брюхо. Она почувствовала смертельную боль, и тут могла смерть ее постигнуть, если бы не последовало от служащих при ней скорое вспоможение. Оные, находясь по приказанию барыни своей в отдалении, на ужасный ее крик прибежали, и со всевозможным рачением старались ей помочь. Гаргантина без трудности увидела, что время родине приближается; почему повелела привести славную бабу Бринданашу, которая у всех прочих великанок повивала, и по таким же обстоятельствам была уже и ей довольно известна; между тем, как мучение стало умножаться, то и не уповали о выздоровлении ее; наконец, прекратила она мучения свои рождением столь много ожидаемого младенца. Бабка, войдя на то время в комнату, приняла ребенка и вскричала: «О Боже! какой страшный младенец!». Будучи не в силах его держать, с ним на пол упала. Сие падение столь было страшное, что вывихнула она себе ногу, а бедный младенец, ударившись носом об пол, так сильно стал кричать, что от того в доме все стекла полопались. Бабку один только сыскался великан, могущий ее приподнять; но для бедного младенца, из самых сильнейших четыре великана понадобились.

Для новорожденного младенца принесли весьма хорошо сделанную, в шесть длины и в полторы сажени ширины люльку; она, оказавшись меньше против надобной меры, сыскали другую, в которую и положили чистенько младенца, не щадя при сем все то, что могло служить к успокоению его. Слух лишь поразнесся, что освободилась счастливо Гаргантина от бремени рождением такого страшного младенца, то великим множеством людей дом наполнился, и всякий величине его дивился. Показанный младенец имел голову величиной в четыре большие сороковые бочки, а бедра в два большие жернова. Он каждого велика-

на ужасал, и вид его не на новородившего, а на сорока-
летнего великана походил.

Глава третья

О всеобщей радости, Гаргантюасовым рождением причиненной

Зрители были по большей части поколения тех несчастных великанов, которые громом Юпитеровым в прах обращены; между ими находились столько дерзкие, что, не глядясь на младенца, говорили: «Конечно, сей ребенок со временем за пролитую нашу родительскую кровь верховному богу отмстит»; к чему дерзновенно присовокупили и то, что если по сие время род человеческий был богам подвержен, то, без сомнения, и они царству Гаргантюасову подвергнутся. Они столь о нем много думали, что гром Юпитеров не приводил их в ужас и, колыбель околдовавши несколько раз, всю благовонными травами окурили, благословивши при том младенца с матерью. При сем случае радость была несказанная; в продолжении сего времени позабыли заботы свои и печаль; стали смеяться, песни петь, в ладоши бить и окружили танцами колыбель. Шум чрезвычайный поднялся в комнате, где ребенок тихим сном наслаждался; он как-то нечаянно пробудился и стал кричать. Торжествующий тут народ, ужаснувшись оному крику, подумал, что ветром дом разнесет; находясь же в таком страхе, все разбежались; к несчастию их, пол обломился и все провалились: иной себе голову расшиб, другой ноги переломал, а были и такие, которые под развалинами пропали; число умерших простиралось до шестидесяти человек; в оных находились те великаны, которые с презрением о богах говорили, почему и не упустили случай приписать оное приключившееся несчастье к дерзновению, с которым они пред сим о богах рассуждали.

Гаргантюа, находясь поблизости в комнате, услышала вышеписанное неустройство; вдруг встала, побежала со слезами в то место, где ребенок опочивал, и которого, будучи в отчаянии, думала застать совсем погибшим; но какое ж радостное удивление, как узрела его, с покоем в колыбели

на воздухе опочивающего. Боги, предвидя, что будет он со временем самым страшным великаном, рассудили над ним сие чудо учинить, и дабы чрез такое действие милосердие и всемогущую власть свою оказать.

Напоследок надобно же было бедного Гаргантюаса в сохранное место прибрать, поелику в таком положении жизнь была в опасности, и к исполнению такого предприятия потребовалось более орудий, нежели можно было их найти в обсерватории. И так чрез великое множество людей перенесли его в приуготовленную комнату, где мать, с несказанным восторгом его посещая, умильно и поминутно сына любезного своего целовала.

Глава четвертая

О Гаргантюасовых кормилицах и о кашнице, ему ежедневно даваемой

По успокоению всего стали только младенцем заниматься; сначала приставили к нему полдюжины кормилиц, между которыми пять славных великанок находились, а шестая, именем Проглотихина, хотя не так велика, но добротой молока и опрятностью своею всех прочих превосходила: оные ничем более не занимались, как давать по очереди ребенку грудь, соблюдая при сем в очереди порядок такой, какой можно в музыке соблюсти. К похвале их надлежит упомянуть здесь, что со тщанием отправляли порученную им должность. Наконец, к исходу двух недель Гаргантина, видя, что они не в состоянии более при дитяти быть, приобщила к прежним еще дюжину кормилиц, а чрез три недели после того нашлась принужденной взять еще осмнадцать; итак, в течение трех месяцев при Гаргантюасе было три дюжины кормилиц, и все между славных великанок выбранные. При таком множестве кормилиц Гаргантюас хотя и всех истощил, однако ж чуть с голоду не умер. Мать его Гаргантина на место оных других к нему приставила, с приложением к тому числу еще одной дюжины; все сие не мешало: ребенок кричит, и никто не может его унять; напоследок решились пристрашной кашницей его кормить.

Восприятое намерение, к счастью их, с желаемым успехом совершилось; голод ребенка прекратился, лишь стал кашницу есть; он по полуторых сотен пудов оной ел, отчего терпеливее прежнего ожидал смену каждой кормилицы; и так Гаргантина сим средством не принуждена была число кормилиц умножить.

По таким обстоятельствам можно видеть, что при Гаргантюасе более пяти дюжин кормилиц не было; клеветники число оных до четырех тысяч пятисот простирают — ложь, происходящая от его неприятелей, имеющих желание Гаргантюасову славу помрачить. Журнал же Могольского владе-

теля следующее свидетельствует, смотри шестисот тысячную пятисот тридцати миллионную девятисот шестидесяти семи тысячную семисот девятую страницу: Гаргантюас в каждые сутки по шести больших котлов ел кашицы, меньший же из оных котлов был величиной против колокола Ивана великого. Мне кажется, что всякий благоразумный человек безопасно на сей журнал может ссылаться.

Глава пятая

Гаргантюас при шестимесячном возрасте одну из своих кормилиц проглотил

Показанный журнал удивительно описывает приключение; видим здесь, пишет он, дело, которое на предбудущие времена покажется невероятным. Гаргантюас, сын Бриарея, и из числа тех великанов, которые вознамерились царство богов покорить, проглотил при шестимесячном возрасте своем пришедшую к нему для давания груди кормилицу; сие Гаргантюас так легко учинил, как нам свежее яйцо проглотить. На другой день оногo несчастья нашли ее, ко всенародному удивлению, в Гаргантюасовой колыбели умершую.

Сие весьма достойное повествования обстоятельство: итак, вот каким образом все то произошло. В некоторый день забыли кашницею его накормить (что было в обычае прежде, нежели дать ему грудь); чрез же такую оплошность бедная кормилица Проглотихина, подошед по своей очереди к ребенку около одиннадцатого часу пополудни, вздумала для обласкания его поцеловать; но голод, преодолевши Гаргантюаса, принудил его схватить кормилицу и со стремлением ее в рот вбросить; куда голова лишь только попала, как вся была в его желудке.

Как время наступило к обеду, то весьма удивились, не видя между кормилицами Проглотихину. Начали справляться, не вышла ли куда с двора; нет, подобная тюрьма не позволяла ей об этом помышлять, и так повсюду искали ее, не подозревая совсем найти там, где она опочивала. На другой же день великанка Экзимена, переменяя у младенца пеленки, нашла в колыбели кормилицу. Экзимена, увидя такое несчастье, так сильно стала кричать, что всех в дому оглушила. В каком же удивлении находились зрители, как увидели Проглотихину в сем положении! Сие позорище казалось им удивительным, и каждый не понимал, что может шестимесячный ребенок такое горло иметь; и чему еще не

могли поверить, чтоб без всякого повреждения обратно ее выкинул изо рта своего.

После такого приключения каждый к нему подойти ужасался, и ни одна кормилица не посмела более его грудью кормить; самый смелый великан боялся ему в руки попасться; напоследок все, наполненные страхом, решились кормить только кашницей, которую же и давали на трехсаженной лопатке. Ребенок, отнятый от груди, стал вдвое больше каши есть, почему и были принуждены в день по двенадцати котлов оной варить, и сим образом еще четыре месяца младенец питался. По окончании сего времени, ребенок зачиная ходить, мать сшила ему платьице, на которое пошло шестьсот шестьдесят четыре аршина материи, шириной в полтора аршина. Он поминутно стал расти, и всех великанов перерос; по одиннадцатому месяцу Гаргантюас умел говорить, а по третьему году так был разумен, что почитали его за сорокалетнего человека.

Глава шестая

*При Гаргантюасе сколько ни было учителей,
все скоропостижной смертью погибли*

Гаргантина, имея только о любезном сыне своем попечение, всячески старалась хорошо его воспитать: она с четырех лет заставила в училище ходить, где в короткое время великие оказал успехи; с таким же дарованием, уверяют, что он не только выучился грамоте, но был искусен в Греческом, Латинском, Немецком и Гасконском языках; последний же из них всем прочим предпочитал. Гаргантюас к приобретению наук отменную имел склонность, и до кончины жизни своей оными занимался.

Хотя Гаргантюас был к учению прилежен, но занимался, как и все школьники, забиячеством; не было того дня, чтоб на него не пожаловался бы учитель или ученик.

В некоторый день явился он к учителю с невытверженным уроком, на что и постращал его розгами учитель. — Кому думаете вы говорить, господин Профессор? — спросил Гаргантюас. — Вам, сударь, — отвечивал он. — Мне? — Да, вам. — Ты довольно забавная животная, — сказал на это Гаргантюас и, вышедши из терпения, схватил за пояс бедного педанта и с несказанным стремлением чрез кровлю перекинул.

Наконец, Гаргантюасу заблигорассудилось учиться танцевать, на рапирах биться и на разных музыкальных инструментах играть. Зачал он с танцевания, и велел призвать самого искусного танцмейстера. Он легко стал понимать основательные правила, но в рассуждении легкости, к оному искусству потребной, увидел в себе великую неспособность; величина туловища его не позволяла учителю подражать, который же поминутно нежные показывал движения. Гаргантюас скакал за облака, но без той приятности, которая соделывает все оного мастерства искусство. Учитель, как по обыкновению, наблюдая всегда свой карманный интерес, хвалил ученика своего и, выкидывая ему разные увесе-

лительные штуки, был всегда готов, как и все учителя, имеющие богатых учеников, незаслуженной похвалою Гаргантюаса ободрить.

Вздумалось учителю, в несчастный для него день, показать Гаргантюасу, как назад прыгать, и подал несколько примеров; любезный же ученик, последуя таким движениям, вспрыгнул назад и стоящего позади себя учителя опрокинул, который, на пятнадцать шагов отлетевши, так сильно об стену ударился, что тело на мелкие частицы раздробилось. Увидевши несчастное сие приключение, Гаргантюас оставил танцевание и зачал фехтованием заниматься. Вдруг фехтовальный мастер по приказанию его явился, который и взялся в короткое время выучить его, не подвергаясь опасности людей убивать; учитель, в том слово свое одержав и взявши у ученика руку, стал показывать, что значит тиерца и кварта, и для лучшего понятия заставил его рапирами действовать. Гаргантюас, лишь до него коснулся, то нагрудник с рапирою насквозь тела его прошли, и от удара наземь повалился. В таком положении кончил бедный фехтовальный мастер жизнь свою.

«Не глуп ли я, — вскричал тогда Гаргантюас, — учиться фехтовальному искусству? искусство же бессильным людям только нужное; но я боюсь ли быть на улице обиженным, и отважится ли кто у меня что-нибудь отнять?! Не довольно ли я велик, чтоб с одного удара своего неприятеля и всех разбойников, в столице находящихся, наземь повергнуть? Итак, не совершенное ли с моей стороны дурачество прилагать время и старание к приобретению такого искусства, которое силою заменяется?»

Гаргантюас, отказавши таким образом всем своим учителям, решил напоследок музыкальным инструментам учиться, и к чему великую склонность являл. Он, дабы свое желание совершить, приказал разного рода музыкантов собрать, от которых и потребовал совета, с чего следует начать. Скрипач предложил ему, что непременно нужно, для познания прочих инструментов, привыкать смычком действовать. Содружники его, услыша такое хвастовство, пожаловали ему в награждение каждый по щелчку; после чего

всякий стал свой инструмент хвалить: клавикордный мастер до небес хвалою возносил клавикорды; другой все преимущество гуслим давал; наконец, сыскался такой, который оным предпочитал балалайку. Гаргантюас, увидя такое между ими несогласие, всех по домам разослал.

Между сим происшествием, один из вышеупомянутых музыкантов в комнате той, где происходило рассуждение, средство нашел скрыться; он, увидевши содружников своих ушедшими, явился Гаргантюасовым очам в важном виде, и стал мнения их опровергать. «Они намерены, — сказал он, — учить вас на инструментах играть, а сами ни одной ноты не знают; не достойны ли для такой наглости, чтоб их баташьем высечь? Если вы хотите мне поверить, государь мой, — продолжал он, — так начните с музыки; посредству же ее можете дойти до совершенства, но, не следуя моему совету, не ожидайте никаких успехов». Гаргантюас, по таким пространным об музыке разговорах, склонился на его предложение и согласился учиться науке, им толико хвалимой. Сей учитель подал сначала общие той науки правила и растолковал, что разные голоса, которые всю соделывают музыки приятность, выражаются следующим образом: *ге, а, га, це, де, в, эф* и проч.; итак, сказав, что вся музыка в переменении оных состоит, начал весьма приятно их по голосам выговаривать; повторивши же то самое несколько разе, стал ученика своего просить, чтоб он запел. Гаргантюас по показанному примеру понял, что с приумножением голоса каждая нота выговаривается, и начал так ее петь: *ге, а, га, це, де, в, эф*; сей бедняк, не слыша на своем веку никогда такого журчания, принужден был уши свои заткнуть, дабы тем от подобной музыки освободиться. Но сие предосторожностью никак ему не послужило, и ушные у него перепонки, при окончании последних трех нот, от ужасного звуку лопнули: при таком пении всякому казалось слышать Юпитера, на небесах гремящего. Сей учитель, к совершенному несчастью своему, почувствовал страшную в ушах перемену; он не преминул дать об том знать своему ученику, и сказал ему: «Государь мой, как я даже и своих речей не слышу, то желаю знать, подлинно ли я глух; итак,

извольте с начала данный мною вам урок запеть». Гаргантюас, избегая повторения учительской просьбы, принялся вдруг так сильно музыкальную азбуку петь, что поблизости стоящие дома от такого громогласия все затряслись. «Изволили вы слышать, — спросил Гаргантюас учителя своего, — и правильно ли я пел?» Учитель, не внимая ни одного слова из Гаргантюасовых речей, стал еще неотступно просить его о прежнем же. Гаргантюас на такой неожиданный вопрос отвечал: «Советую тебе, друг любезный, как глухота никак не согласуется с музыкой, не иметь более мне подобных учеников»; но, увидя, что ни одно слово до него не доходит, дал ему для излечения сей болезни несколько денег и потом, оборотившись к нему спиною, положился более ни чему не учиться и препроводить в забавах и веселиях жизнь свою.

Глава седьмая

О издержках Гаргантюасова стола, и о числе поваров и других служащих при нем официантов

Гаргантюас осмнадцать месяцев перестал кашицу есть и принялся за мясо; он, по третьему году сидя в обеде за столом, так жадно ел, что перед ним исчезало по четыре быка, по пятидесяти баранов, по триста пар куропаток; а дошедши до осмнадцати лет, так удвоил означенный прием, что уже понадобилось ему за последним столом пятьдесят быков, четыреста баранов, две тысячи ягнят, четыре тысячи кашлунов и три тысячи куропаток; сверх же того, для утоления жажды исходило по шестидесяти оксовтов французского вина, по двадцати полубочек сладкой анисовой водки и по двенадцати бутылок ратафии; при десерте подавалось ему три тысячи тарелок, наполненных тамошними фруктами, двенадцать тысяч тарелок наилучших сахарных сухарей, и осмнадцать тысяч горшков варения и сухих конфет. Все оное в обыкновенные дни подавали, но о праздниках втрое более того на столе ставили. Он же в такие дни пил ренского вина до двух тысяч пятисот оксовтов. Гаргантюас за завтраком ел одну только солонину и окороки, чего для и приставили шесть человек, которые ничем более не занимались, как кидать ему в рот лопатками горчицу. Он до перцу великий был охотник, и в похлебку свою одного до четырех пуд клал. В рюмку же Гаргантюасовую по двенадцати полубочек входило, и лишь ее только наполнят, то без всякого принуждения опоражнивал. Гаргантюас по четыре раза в день кушал, и во всякий раз с великим голодом за стол садился. В некоторый день спросил он, нет ли чего испить; ему и отвечал слуга: «Если прикажете, так пирожков велю принести». «Очень хорошо, — сказал на это Гаргантюас, — прикажи подать мне несколько тысяч, я желаю знать, что будут ли они вкусом так хороши, как те, которые на сих днях я ел». Он не успел речь окончить, что вдруг принесли

наполненные пирожками блюда; они ему так вкусны показались, что, схватя своею ложкою до тридцати тысяч, так легко в рот всунул, как булочки хлеба в печь сажают. Упрятавши ж в пещерах своего брюха до четырехсот тысяч таковых, испить попросил; слуги по сему приказанию принялись за бочонки, и двенадцатибочечную его рюмку наполнили; Гаргантюас, ухвативши ж ее правою рукою, поднес ко рту и разом в своем желудке потопил такое множество пирожков, которые единственно служили ему к умножению аппетита.

Как не стало более в кухне пирожков, то об оном и донесли Гаргантюасу; он, рассердясь на сей донос, закричал: «Так принесите скорее чего-нибудь другого, а между тем подайте испить». Шесть больших лакеев принялись рюмку наполнять, а другие шесть, сошедши в кухню, с превеликими возвратились блюдами, и все отменным кушаньем наполненные; двадцать же других слуг шести первым последовали, и все с блюдами в руках к Гаргантюасу явились; они целый час продолжали оным заниматься. Гаргантюас, по окончании такого потчевания, весьма удивился, как сказали ему, что более в поварной нет никаких припасов. Сей неожиданный донос едва не рассердил его, но, призвавши своего дворецкого, дал приказание, чтоб вперед было всегда в готовности для стола в съестном чулане около шестидесяти быков жареных и до трехсот телят и баранов, и к сему примолвил он: «Меня лишь только стало на еду позывать, то чрез ваше небрежение принужден с голоду мучиться; прошу, — продолжал Гаргантюас, — быть вперед старательнее в отправлении своей должности», и по окончании премудрого сего наставления пошел до обеда в сад прогуливаться; он не успел двух раз вокруг одного обойти, как слуги прибежали к нему с уведомлением, что стол готов. Гаргантюас, ожидая с великим нетерпением такое уведомление, вошел без замедления в столовую, в которой было довольно съестного припасу, чтоб насытить в течении четырех дней десяти тысячное войско: он со стремлением на кушанье кинулся и, хотя уже довольно позавтракал, но, не смотря на то, съел пятьдесят быков и четырехста баранов с

таким проворством, как будто дни два не ел.

Всякий скажет, что сие сущая басня, и что невозможно Гаргантюасу, как бы не был богат, более двух недель съесть четвертую часть таких подержек; но как узнают, что десяти лет возвели его с согласием всех народов на престоле, то никто не может более тому противиться. При дворе Гаргантюасовом, по всенародному старанию, все было в изобилии; во многих областях его государства паслись многочисленные стада баранов, в других же сеяли и сажали для его стола плоды, а из дальних мест привозили ко двору ежегодно по ста тысяч оксовтов вина, и приганивали от пятнадцати до шестнадцати тысяч баранов. Всем подданным наилучшим образом приказано было двор всем снабждать.

Официанты, имеющие честь при Гаргантюасе служить, одеянием своим великолепию и пышности двора соответствовали. Всякому ученому человеку небезызвестно, что у него при поварной находилось для непрерывного варения кушания следующее число мундкохов: у приготовления соусов было четыреста человек, у варения похлебки такое ж число, да у жаркого шестьсот из первейших кухмистров; оным в помощь давалось еще две тысячи четыреста поваров и три тысячи пятьсот поваренков; при таком же множестве людей находились две тысячи триста сорок пять пирожников и тысяча восемьсот пятьдесят конфетчиков, знавших совершенно свое ремесло. Здесь не упомяну я еще число других официантов, которые у разных должностей при дворе Гаргантюасовом находились, как-то метер-дотели и кравчей; но скажу только, что три тысячи слуг ливрейных носили в блюдах ужасной величины по целому быку, или по четыреста баранов, что и почитал Гаргантюас крошками. Он так много ел, что по три быка сажал на вилку и разом проглатывал, не откидывая же костей, которые в мгновение ока под страшными его зубами в пепел превращались. Гаргантюас во время такого действия испускал из рта своего искры, подобно как из трубы, в которой великий огонь бывает.

Глава осьмая

Гаргантюас, вдавшись в мотовство, дошел до великой крайности

При таком изобилии Гаргантюасу весьма было трудно воздержать себя. Он не знал цены никакой вещи; стол его всегда был покрыт наилучшим в свете кушаньем, почему и воображал везде такое изобилие; он совсем не мыслил, что большая часть его подданных в бедности тогда находилась, когда все у него было в излишестве. Гаргантюас в таком пышном положении поведением своим славу свою помрачил, и неприметно дошел до великой крайности; всякий стал худо об нем мыслить. Он сначала сидел за столом по четверти часа, потом по два часа, а напоследок же просиживал и по четыре часа. Наконец до такой лености дошел Гаргантюас, что с осми часов поутру и до десяти часов вечера за столом все проклажался.

Я оставлю всякому судить, сколько в течении такого времени пошло в страшный его желудок вина для сварения шестидесяти волов и множества других припасов, о которых здесь я не упоминаю. Он иногда разом по тридцати своих рюмок выпивал, а по окончании пирования число оных иногда простиралось и до пятисот; в таком распутстве чинил всякое неустройство, разговор же его относился только к пированию, и не позволял о другом ни о чем говорить. Гаргантюас весьма щедро награждал тех, которые приготавливали ему вновь изобретенные соусы. В некоторый же день пожаловал он такому изобретателю соусов две тысячи пятьсот рублей в награждение. Гаргантюас часто сам занималсястряпанием, и прилагал старание свое к изобретению новых кушаньев. Он за труд никак не ставил в кухню ходить, дабы показать поварам, каким образом следовало по вкусу его кушанье приуготовить. Напоследок так сделался он нравным, что никто не мог его в том удовлетворять.

В некоторый день, увидевши, что одно блюдо не по вкусу его состряпано, то взял он его и опрокинул на голову то-

му, который отважился его на столе поставить, потом, сошедши в поварню, схватил с сердец до пятидесяти кухмистров, и всех в огонь побросал. По окончании сего отправления нашел большой вертел, на который и посадил, как бы на штык, такое ж число поваренков; остальные как крысы разбежались и нашли убежище под котлами, а другие в такие места скрылись, в которые Гаргантюас и мизинец не мог всунуть. Сим средством спаслись они от смерти, которая им грозила.

Глава девятая

О премудрых наставлениях, данных Гаргантюа любезному сыну своему Гаргантюасу

Гаргантюа, узнавши о сыновнем распутстве, без упущения времени предупредила его в несчастиях, которым он, по беспутному своему поведению, подвергался. Она для исполнения своего предприятия искала удобного времени, поелику не всегда был он намерен слышать нравоучительные ее наставления, и так, увидевши его в некоторый день одного в комнате, вошла к нему и стала следующим образом говорить: «Я вижу с великим огорчением, любезный мой сын, что ты не стараешься быть утешением твоим родителям на старости их лет. Ты по сие время оказывал во всем великое воздержание и приводил весь свет в удивление величиною своею и премудростью. О! сколько б была я счастлива, если б ты все шествовал по прежней стезе.

Но, увы! печаль, от невоздержания твоего происшедшая, вскоре постигла радость, причиненную мне прежним твоим поведением. Воззри, радость моя, воззри на вред, который ты славе своей причиняешь; распутная твоя жизнь составляет ныне весь народ на тебя роптать, который же пред сим был к твоей особе толико почтителен. Знаешь ли, сынне предорогой, что боги не для того тебя сотворили, чтоб ты беспредельным прихотям повиновался, но для того только единственно, чтоб ты, подобно прочим, все употреблял в умеренности».

Гаргантюас во все сие время смотрел с печальным видом в землю и выпускал из очей своих слезы величиной с большую тыкву; мать, увидевши же его в весьма задумчивом положении, стала об оном хорошее мыслить, почему рассудила за благо разговор прекратить; и так, удалясь от него потихоньку, оставила одного в глубоких о своем заблуждении рассуждениях.

Разговор столь благоразумный вскоре умягчил его запальчивое сердце. Лишь увидел он одного себя в комнате,

то стал с своими прежними поступками соображаться, и так заплакал он, что слезами бы мог в действо привести водяную мельницу; он, будучи в таком раскаянии, прибежал в комнату своей матери и, обнявши ее, всю облобызал. Гаргантюас, извиняясь обо всем прежнем, встал пред нею на колени и начал таким образом говорить: «Я не знаю, благодетельница моя, какими словами изъяснить вам благодарность, которую вечно буду чувствовать за полезные ваши наставления, вами с малых моих лет мне даваемые. Я вдался в совершенную погибель, от которой вы меня освободили. О, сколь вами я обязан за то!» — сказал он, держа ее в своих объятиях. Гаргантюа, дивясь такой перемене, вскричала с восторгом: «Колико я обрадована иметь сына столь послушного! Итак, ты не в прежних своих пребываешь намерениях?» «Без сомнения, матушка моя», — отвечивал любезный сынок, и в доказательство чего открылся ей следующим образом:

«Я вижу ныне, что все чинимые мною неустройства происходят от великой моей лености, коей я по сию пору был предан; итак, любезная моя родительница, дабы прекратить худое мое поведение, следует мне от лишней праздности удалиться, и всегда быть заняту работою. Я точно уверен, что похвалите вы предприятие мое; вознамерился я ныне собственными моими руками построить дворец; чрез сие удалюсь от праздности, мне толико вредной». Гаргантюа не только что хвалила такое намерение, но старалась еще более его охоту в том возбудить. Он о таком намерении дал знать своим друзьям и призвал искусных домостроителей, дабы с ними об том посоветоваться. Наконец, по сделании плана, Гаргантюас стал по оному дворец строить.

Глава десятая

О инструментах, сделанных Гаргантюасом для постройки дворца своего

Гаргантюас, желая вскоре исполнить предприятие свое, повелел всю сталь и железо, в его государстве находящееся, привезть в назначенное место; ему рассудилось самому весь свой инструмент сковать, почему и велел угольщикам быть непрерывно у сжигания угля; между тем, послал ко всем кузнецам, дабы явились они без промедления в то место, где имел он пребывание свое. После сих распоряжений пригнали множество лошаков, ослов и лошадей, кои все были нагружены железом и углем. Мастера ж, пришедшие великими толпами, принялись возить песок, творилы делать и прочую работу нужную исправлять. Касательно ж кузнецам, они начали немедленно царское приказание исполнять; их такое множество в приходе появилось, что нашлись принужденными большую часть отослать. Гаргантюас по рассмотрению своему выбрал самых сильнейших кузнецов, дабы выучили они его железо ковать, без чего и не мог бы он воспрнятое намерение совершить; он, занимаясь оным рукоделием, равнялся с богом Вулканом, который то ставил себе за честь и в славу, и так, уваживая оное ремесло, вскоре оказал великие в том успехи.

Как большие молоты казались ему малыми молотками, то сковал он себе один в четыреста пуд, которым после того сделал другой весом в две тысячи пуд, а напоследок нашелся у Гаргантюаса молоточек в пять тысяч четыреста шестьдесят семь пуд; означенными ж молотками Гаргантюас сковал себе наконец клещи, которые были длиной пятьдесят аршин, и наковальню в тридцать шесть тысяч четыреста пуд.

Гаргантюас, снабдивши себя всем нужным инструментом, увидел, что еще недостает у него пещни, почему и сковал себе он такую, которой с одного маху большие каменные горы раскалывал; у него тоже напоследок нашлась для камен-

ной работы лопатка, соответствующая величиной прежним инструментам; а обух, казавшийся ему нужным к исполнению своего намерения, ни в чем величиною вышеозначенным молоткам не уступал.

Глава перваянадесять

*Гаргантюас достает в двух горах, близ его стоящих,
камень и мрамор, потребный для строения
упомянутого здания*

По окончании вышеозначенной работы Гаргантюас пошел на гору, стоящую неподалеку от того места, где вознамерился он здание свое построить. Он, увидевши тут удобный камень, стал его из земли вытаскивать, и в два дня столько его получил, что легко можно было оным столичный город построить; между сим происшествием попадались ему камни так велики, что четыреста пар украинских быков не могли бы с места пошевелить; но Гаргантюас, подымая их так, как мы маленькие камушки, перекидывал в то место, где надлежало дворцу строиться; расстояние же между такими местами в осми верстах состояло, и камни, перелетывая такую обширность, казались башнями; люди же, о Гаргантюасовом предприятии несведущие, подумали, что какой-нибудь город, по произволению Всевышнего, из одного места в другое переходит. Ужасные камни при падении своем на других расшибались на мелкие куски, которыми Гаргантюас бутил фундамент, а целыми дворец строил.

Как иные камни казались ему к перекидыванию неспособными, то сделал он пращ, посредством которого весьма легко перебрасывал тяжеловесные камни. Гаргантюас, желая тоже дворец свой украсить, опустился, по собрании своих инструментов, в пропасти оной горы и, увидевши весьма хороший мрамор, принялся его из земли вытаскивать, и потом перекидывал в прежнее место.

С самого начала изрядные камни ему попадались; но, продолжая путь свой, нашел не в пример лучше прежних; напоследок увидел Гаргантюас и яшму, почему и был он принужден их особливо по кучам раскладывать, и которые же издали казались большими горами. Гаргантюас, отправляя все оное по-прежнему, увидел, что могут они, подобно каме-

ням, от падения повредиться, и так взял он на себя труд их на плечах переносить; сей способ показался ему неудобен, поелику необтесанные углы каменьев спину до крови растирали, почему и принужден был из больших деревьев коробку сплести и, полагая в оную до шестидесяти больших каменьев, переносил их без всякого затруднения в прежде означенное ж место.

Глава втораянадесять

Сколько Гаргантюасом в рощах вырублено лесу, и каким средством перевез оной в то место, где строил дворец

Гаргантюас, собравши довольно камней взял топор свой и пошел в прегустую рощу; он столько тут лесу нарубил, что легко можно было из одного пятьдесят линейных кораблей построить; он с одного маху страшные дубы наземь повергал; и так, проходя в два дня всю оную рощу, до последнего корня ее очистил. Гаргантюас, обрезывая ножом с деревьев сучья, собрал весь его в кучу, что и казалось издали большою горою.

Чтоб перевезть сей лес, потребовалось бы пятьдесят тысяч распусок, заложенных в четыре лошади, и тут бы, еще трудясь с утра до вечера, не могли бы успеть в три недели. Гаргантюас принялся за то, и в полторы сутки удивительное сие отправление учинил. Он, первый способ находя к оному отпращиванию неудобным, рассудил за благо из железа сковать себе лук, и по сделании одного составил для стрельбы струну из кишок тридцати тысяч кошек; сей лук так был велик, что, поставя на берег Невы, можно бы было его почесть за мост.

Гаргантюас, держа оной лук в руках, одним выстрелом до сорока деревьев перекидывал в свое место, что и затмевало во время их перелета небо; по окончании ста таких выстрелов приключилось страшное происшествие, от которого и последовало в короткое время тамошним обывателям великое несчастье. Они увидели свои жилища, в пепел превращенные от падения загоревших на воздухе деревьев. Сему ж причиной не что иное, как лук, который, нагревшись от частых выстрелов, зажег лес, и потом огонь, приобретая силу в воздухе, падал он наземь огненными головнями. Гаргантюас, признав сие за точную причину, стал не так часто стрелять; и с надлежащею остановкою скорее лес отправил, нежели другому можно было его перечесть.

Глава третьянадцать

О начатии строения великолепного его дворца, также о камнях и столбах, Гаргантюасом поставленных

Между тем, как Гаргантюас доставал камень и лес, пятнадцать тысяч человек мастеровых находились, всякий по своему ремеслу, при работе устройства; Гаргантюас, увидевши все в готовности, принялся за фундамент, и в шесть дней его окончил. Сие покажется невероятным, но сто тысяч человек, при коих тот фундамент строился, во всем оном свидетельствуют; что ж еще немало служило к поспешествованию работы, что имел он в запасе множество материалов. Камня, им употребленные, были как большие огромные палаты, в том числе попадались и поменьше; он на закрепу камней употреблял раствор, из извести и песку сделанный, и брал его столько своею лопаткою, сколько потребно может быть на большую стену. Гаргантюас на растворе ни чего из материалов не щадил, и многие уверяли, что входило в такой яичный белок и французское вино. Сие должно достоверным быть, поелику видим и по нынешнее время в целости оной фундамент, и даже без всякого повреждения от множества веков.

Как Гаргантюас хотел, чтоб дворец его был со всех сторон красив, то снаружи клал стену из хорошего камня. Почему каменная работа на некоторое время остановилась; он, не смотря на то, что шесть тысяч человек тесали камень, принялся и сам в том же упражняться, и в день наработал больше, нежели те могли в неделю сделать; при всем оном, Гаргантюас в течение четверти часа яшмовые и мраморные колонны делал, которые шлифовкою не уступали лучшим хрусталям; и сколько бы камень ни был крепок, но в его руках равнялся мягкостию воску.

По собрании немалого числа обтесанных камней, принял-ся Гаргантюас за стены, которые поднял в свой рост; после сего понадобились ему мостки; но он на место того вокруг дворца поделал из камня ступени, и сим средством продол-

жал до кровли дворец строить; как ознаозначенное здание имело только вышины пять верст, то в одно лето Гаргантюас все строение окончил.

Глава четвертаянадесять

О хорошем расположении сего славного здания

Окружность сего дворца состояла из семи верст, и был он построен в три этажа; в первых двух поделал он из мармара, яшмы и порфиру весьма хорошие своды и двери, и у окон рамы сделал из драгоценных камней, и в них вставил шлифованные зеркальные стекла.

Покой Гаргантюаса всякому казался удивительным; в нем поставлено было весьма редкое комнатное украшение, и он так был просторен, что могло десяти тысячное войско без затруднения воинским порядком поместиться; комнату же матери своей Гаргантюасы украсил что ни лучшими в свете галантерейными вещами, и поставил в оную весьма великолепную кровать.

Как Гаргантюас не вовсе от роскошной жизни отстал, и не совсем был с пищею в ссоре, то и не упустил старание хорошую кухню построить; он так ее распространил, что без трудности помещалось в ней до пятнадцати тысяч поваров; при всем оном не забыл он и погреб под дворцом сделать, в который же вкатывалось до ста тысяч бочек вина, то есть ежегодный запас; но как увидели неудобствие держать в одном месте такое количество вина, то вкатывали только пятнадцать тысяч бочек. Гаргантюас, как ни был воздержен, но опоражнивал всякий день погреб. Оставляя же все оные обстоятельства, стану описывать его ворота: они, составляя величину, Гаргантюасу соответственную, были из мраморных столбов сделанные, почему и не уступали вышиной петропавловской колокольне.

Посредине строения находился двор продолговатый, и вымощен весь разноцветным мрамором; сверх же сего были еще три дворика, которые, хотя и не столь красивы, как первый, но изрядными казались. Сей дворец по край моря был построен, а башня, видимая еще и поныне, на сваях была сделана и в дальнем расстоянии от берега. Она башня почитается за одно из семи чудес, в свете видимых и, про-

стираясь в вышину в двадцать пять верст, имеет претол-
стые стены.

Глава пятаянадесять

О странном Гаргантюасовом жертвоприношении, по окончании строения последовавшем

Лишь только совершились все пространные его предприятія, Гаргантюас почел за долг воздать за то богам свое благодарение; и так во всех областях своего государства послал приказание праздновать тот день, в котором положился он богам жертву принести; при сем повелел тоже пригнать в означенное место множество скота, и в тот самый день, в котором определено было жертвоприношению быть.

В течение более двух недель весь народ все занимался приуготовлением. Жертвенник по его приказанию близ дворца был построен, и посредине того поля, где следовало быть жертвоприношению. Как стали только за такое дело приниматься, Гаргантюас, облаченный царским одеянием, явился с своею матерью и со всем двором, а позади его шли четыре слона, на коих положен был хвост платья его; за ним следовал еще народ, пришедший во множестве из отдаленных областей.

Гаргантюас, желая сам жертвоприношение начать, взял шесть быков из самых жирных, и как они были все за ноги и рога вместе скручены, то поставил их на свой лук и к небесам отправил, стараясь чрез то оказать богам свое усердие и заслужить их благоволение; они так вверх поднялись, что не более жаворонка показались, а напоследок и совсем исчезли. Сие заставило думать присутствующих, что оной дар показался богам непротивным, почему и вскричали они: «Сей подарок, весьма будучи богам приятен, не мог упасть на землю». С четверть часа после таких восклицаний снова появилось на небесах с воробья пятнышко, несколько ж после того уподобилось оно куропатке, а наконец и с барана стало; продолжая же все увеличиваться, появились быки в прежнем своем виде; и как низвержение было весьма стремительное, то упали к Гаргантюасовым ногам, и тут вовсе исчезли. От сего удара в земле сделалось отверстие, адской

пропасти подобное.

Гаргантуас, подозревая, что сей подарок был богам противен, до крайности ужаснулся и стал не без причины думать, что тем заслужит их ненависть; он приложил старание их в том упросить, в рассуждении чего и повелел заколоть всю пригнанную скотину, и подробно рассмотреть внутренность их. Во время же, как четыре тысячи восемьсот жертвоприносителей старались по его приказанию исполнение учинить, Гаргантуас заставил чрез капельмейстера музыкантов играть сочиненную нарочно для показанного дня музыку; слова же, положенные на такие голоса, совершенно отвечали красоте оной. Сначала концерт был весьма приятен, но Гаргантуас, опасаясь, что все то к богам не доходит, для которых все сие было сделано, принялся голосом своим певчим помогать, и так вся приятность концерта вскоре превратилась в несносный шум, что и раздавалось на сорок верст, а эхо такой в окрестных местах разносился, что всех близстоящих людей оглушил. По такой причине все разбежались, и искали средства принести помощь их глухоте. А были и такие, которые, убегая от угрожаемой напасти, старались скрыться в отдаленные места. Любимцы ж его последовали сему примеру, и убегали с затыканными ушами место, в котором уши были такой опасности подвергнуты. Гаргантина, заприметив причиненное между народом неустройство, стала просить сына своего, чтоб он бы пел потише, и к сему сказала она: «Ты видишь, что весь народ разбежался». Гаргантуас, узнав сие чрез мать свою, перестал петь и великое оказал неудовольствие, что пение его могло народу быть во вред.

Кто может вообразить, что, сверх случившегося несчастья, посвящено еще в тот день на жертву две тысячи чепыреста волов, восемь тысяч шестьсот баранов, тридцать тысяч шестьсот телят и двадцать пять тысяч лисиц.

Глава шестнадцатая

О великоленном Гаргантюасовом пире

По окончании жертвоприношения Гаргантюас взял за руку мать свою и пошел во дворец со всею придворною свитою, при игрании всякого рода инструментов; возшедши ж в залу, где стоял покрытой стол, сел за оной, и всякий, в том ему подражая, принялся за похлебку. На столе стояли из быков составленные горы, и которые были все осыпаны жареными куропатками, зайцами, фазанами и всем тем, что может в человеке возбудить аппетит. Гаргантюас между гостями отличался как величиной, так и страшными кусками, которые он поминутно в свой ужасный рот отправлял. Как несколько стол поочистился, то подали пирог, начиненный осмидесятью кабанами; он, разрезав его пополам, большую половину поднес ко рту и разом проглотил, другую ж послал гостям своим, сказывая им: «Господа, извольте кушать, вы на то за стол сели; итак, прошу принять сей остаток». Гости, в ужас приведенные страшным его зраком, не посмели за него приняться. «Вы стыдитесь, господа, — сказал тогда Гаргантюас, — смотрите на меня, я совсем не так с вами обхожусь»; по окончании сих слов схватил другую половину и отослал ее, куда и первую.

Гаргантюас обратил все свое внимание к тому, чтоб наполнить свой желудок стоявшим на столе кушаньем, так что и пить забыл попросить; мать, увидя такое его забвение, стала пить за его здоровье. Он, следуя правилам учтивости, принужден то же самое сделать, и так, спросив рюмку свою, тотчас получил ее, виноградным вином наполненную; он, взяв ее в руки, встал со стула и сказал: «Любезная родительница моя! благодаря вас за честь, мне сделанную, пью за ваше здоровье»; и к сему еще примолвил он: «Господа! За здоровье всех присутствующих». Сие, продолжаясь только в четверть часа, изошло четыреста бочек вина. В сем собрании были те герои, которые более всех пили, и всякий старался такое звание приобрести. Гаргантюас же без всяко-

го затруднения сей титул себе заслужил, поелику разом упрятывал в брюхо свое по шестидесяти бочек вина.

Глава седьмаянадесять

*О славном деле четырехсот стариков, пришедших к
Гаргантюасу с женами и принесших на жертву
в честь его животы свои*

В большом зале сего дворца собралось множество народу, и все забавлялись разными играми. Между сим увеселением явились к ним четыреста стариков, каждый с своею женою, и все оные увенчаны были венками, наподобие жертв; сии старики, покрытые сединами, подошли с глубочайшим почтением к Гаргантюасу, и все с женами пали к нему на колени. По сделании такого учтивства один из них стал говорить следующую речь: «Великий государь! ты при старости нашей показал нам то, чего никогда от бессмертных не смели требовать; мы воспользовались всяким благом во время твоего царствования, и многократно восчувствовали твое благодеяние; видели мы тоже великолепные здания твои, и так, не ожидая более ничего в свете, желаем мы умереть, что и решились произвести в действо для чести твоей. Усердие наше к тебе, смущая нас, требует такой великодушной жертвы и, так менее сего не можем сделать в знак нашей благодарности; чрез сие самое дети наши будут иметь причину почитать себя счастливыми, если удостоятся они быть твоими верноподданными. При сем мы всеобщее просим тебя не предать забвению кровь, пролитую для твоей особы их родителями; а боги, не оставляющие без награждения добродетели, да соделают время царствования твоего благополучным».

Сии отягощенные летами старики, по окончании речи, взяли с собою своих детей и вышли весьма поспешно из той комнаты, дабы кинуться в огонь, из которого еще пар выходил от посвященных жертв.

Гаргантюас, предвидя такое их намерение, встал скоро со стула и, прибежав в то место, где вознамерились они в честь его жертвовать животом своим, разбросал огонь ногою, в ко-

тором бы могли еще изжариться пятьдесят быков; потом, подошед к сим добрым старикам, изъявил великую печаль. Бесподобные ж сии старики несказанно досадовали, что такой его великодушный поступок не могли своею смертью упредить. Гаргантюас же, оказывая им великую благосклонность, не оставил их без награждения.

Глава осмаянадесять

О смерти премудрой Гаргантюи и о непредвиденном несчастии, от которого и Гаргантюас лишился жизни

Между тем, как все были только заняты торжествовать тот день, в котором определено было празднеству быть, Гаргантюа, бедная, упала к ногам любезного сына своего, и в таком положении стала чрезвычайно храпеть, ногами и руками биться, и вскоре после того испустила последний дух. Какое ж позорище было сие сыну ее; он, видя такую напасть, со слабости наземь упал, и тут пораженное его сердце обмерло, и стал без чувств. Народ, приведенный сим приключением в изумление, неутешно рыдал, лишась себя прибежища, и в таком отчаянии оторопел, и не знал уже более, что делать. Гаргантюас без всякой помощи изошел кровью и погиб, утопленный в слезах своих. После того, как несколько поутихло в комнате, народ подошел к телам и старался всячески им помочь; но все то было тщетно: Гаргантюас преселился с матерью своею к вечному покою, и не оставил ни одного по себе наследника; и так вовсе сие поколение уничтожилось, и лишены навсегда мы видеть подобных Гаргантюасу великанов.

На другой день, по обнародованному известию о смерти сих важных особ, собралось правление и стало рассуждать, какое им сделать погребение; но, рассматривая неудобствие сии тела перенести, решились напоследок, по отдании им последней чести, тут их оставить и, закладывая кирпичом двери и окна сего дворца, повелели хорошо их замазать; из чего можно видеть, что Гаргантюас построил себе вдруг дворец и гробницу.

Конец

Повесть славного Гаргантюаса, напечатанная в 1790 г. в петербургской типографии Ф. Брейткопфа — перевод (с некоторыми включенными в текст русскими реалиями) французского сочинения *La vie du fameux Gargantuas, le plus terrible géant qui ait jamais par sur la terre. Traduction nouvelle, dressee sur un ancien manuscrit, qui s'est trouvé dans la bibliothèque du Grand Mogol*.

Эта лубочная книга, популярная во Франции в XVIII веке, в свою очередь является подражанием анонимной хронике *Les grandes et inestimables cronicques du grant et enorme géant Gargantua...* (1532), тесно связанной с замыслом романа Ф. Рабле *Гаргантюа и Пантагрюэль*.

Текст публикуется по первоизданию. Орфография и пунктуация приближены к современным нормам. В оформлении использованы иллюстрации Г. Доре к роману Ф. Рабле.

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.